

ГЛАВА V ПОЗДНИЙ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ И ЛИБЕРАЛИЗМ

РОССИЯ «ПРИШЛА В СЕБЯ»

Банкротство воспроизводственной деятельности, опиравшейся на идеал крайнего авторитаризма, на тоталитарные принципы, вызвало в обществе массовое дискомфортное состояние. Гигантская инверсия, которая прошла от господства соборного идеала до крайнего авторитаризма, достигнув своей крайней точки, повернула назад. Этот процесс можно было наблюдать, например, на ослаблении власти вотчинника над сельским локальным сообществом. Община никогда не теряла своей способности бороться за самосохранение. Даже в наиболее сильных вотчинах община противодействовала авторитарному давлению. В случаях, когда помещикам удавалось уничтожить мирское управление, оно быстро восстанавливалось¹. К концу XVIII века отмечалось усиление крестьянской общины². Община оказалась сильнее государства. Характерна борьба, которую вели крестьяне новооскольской вотчины Салтыковых. Она завершилась в 1808 году переводом крестьян на оброк. Это повлекло за собой изменения в организации управления. Раньше управляющий представлял господам свое мнение по поводу хозяйственных и иных решений на утверждение. С переводом хозяйства на оброк «суд и расправа» были переданы мирским представителям, «атаману» и десяти «старейшим». Авторитаризм отступал в отношениях между общиной и помещиками.

¹ *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 187.

² *Ван Режемортер Ж.* Упадок крепостного права. 1796-1855// *Современные зарубежные исследования русской правовой мысли XIX века.* М., 1982. Вып. 1. С. 92

Новая инверсия опять приобрела вялый характер. Этому способствовала сама резкость прошлого перехода к авторитаризму, давшая в конечном итоге негативный результат. Вялый отход от авторитаризма привел к попытке восстановить древнее синкретическое равновесие между элементами вечowego идеала, их гармоничное согласие. На полпути обратной инверсии возник *поздний идеал всеобщего согласия*. Это движение охватило все общество. Налицо была новая попытка продвинуть вперед срединную культуру, найти новую альтернативу, отказаться от манихейских крайностей, создать систему отношений, воплощающих стремление ликвидировать раскол, искать Правду, формируя слияние народа и власти. *Этот идеал нашел своего теоретика в лице историка и писателя Н. Карамзина (1766-1826)*. Он выдвинул идею: «История народа принадлежит государю». История страны сводится им к истории самодержавия, безусловное повиновение народа признается необходимостью, что не исключает строгой законности, установления широких гражданских свобод, включая свободу слова, всенародное участие в общественных делах. Он писал: если народ обязан склоняться перед монархом, то и монарх имеет определенные обязательства перед народом. *В «Истории» Карамзина апологии самодержавия сопутствовало резкое осуждение его злоупотреблений*.

В системе Карамзина заметны особенности, отличающие ее от раннего идеала всеобщего согласия: 1) ударение на нравственный аспект проблемы, 2) исчезновение идеи промежуточного социального института — Земского собора, что свидетельствует об углублении раскола и его разрушительном воздействии на организационное творчество общества. Карамзин выдвигал некие общие правила поведения, правила игры, но не предусматривал введение соответствующих институтов, обеспечивающих соблюдение этих правил. Аналогичные идеи получили широкое распространение. Согласие должно было достигаться само собой. Как заявил один из дворянских депутатов в комиссии, созданной Екатериной II, собственный интерес помещика достаточно побуждает его заботиться о благосостоянии своих крестьян. Известный просветитель Н. Новиков (1744-1818) в своей комедии, напечатанной в журнале «Кошелек», говорил, что барин должен заботиться о своих крестьянах, а крестьяне — искренне любить своего барина. Новый идеал позволял идти навстречу разнообразию ценностей различных слоев и групп, рассчитывая на их спонтанную внутреннюю гармонию. *Стремление искать в большом обществе гармонию, аналогичную идеалу древнего локального сообщества, наталкивалось, однако, на глубокую расчленен-*

ность большого общества. Эта расчлененность требует интеграции общества, предотвращения разрушительных конфликтов между его частями. Общество может достигать этого в борьбе за объединение разнородного. Но может и выдвигать идеал синкретизма, нивелирующего внутренние различия, что порождает социокультурное противоречие между культурным идеалом и спецификой большого общества.

Практически это противоречие между верой в спонтанную гармонию большого общества и разнообразием групп решалось путем экстраполяции представления о целом на часть, расширения прав того или иного сословия. Ослабление сословия, его закрепощения может быть ошибочно оценено как шаг навстречу целому. Первый нерешительный шаг на высшем уровне в этом направлении был сделан в царствование Анны Иоанновны: служба дворян была ограничена двадцатипятилетним сроком. В царствование Елизаветы Петровны (1741-1761), когда Россия «пришла в себя», «никто из людей, враждебных и опасных правительству, не был казнен смертью, при допросах никого не пытали». Правда, не всем это нравилось. Когда на площади выведенные на казнь были помилованы, «никому не отрубили головы, то встало волнение, которое должны были усмирять солдаты»³. Для этого царствования характерно стремление следовать историческому наследию Петра, «дать силу его указам, поступать в его духе», но одновременно наметились попытки обратиться к ценностям низов. Возникла мысль о созыве депутатов для внутреннего благоустройства в стране. Идеал согласия становится господствующим. 18 февраля 1762 года Петром III был опубликован манифест о пожаловании всему российскому благородному дворянству вольности и свободы. От политики закрепощения общества, которая превращала всех и каждого в элемент бюрократической машины, медиатор встал на путь ликвидации крепостной зависимости. Власть отказалась от взгляда на страну как на вотчину. Медиатор получил мощный животворный импульс: его деятельность приобрела нравственное оправдание как выражающая интересы народа. Правда, манифест касался только дворянства, но при данной расстановке сил именно оно рассматривалось как народ, т. е. как часть, которая и была целым. В манифесте выразилось намерение заменить принуждение апелляцией к совести, к общественному мнению. Уже тот факт, что для дворян отменялись телесные наказания, можно считать подлинной психологической революцией во взаимоотношениях их с властью. Начинался золотой век дворянства.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI (тт. 21-22). С. 140.

Императрица Екатерина II (1762-1796) отошла от провозглашенной Петром I идеи всевластия царя, от трактовки личного усмотрения государя как единственного двигателя жизни общества. Царским манифестом от 6 июля 1762 года было объявлено, что самодержавное самовластие само по себе без узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства, усматривалась ценность в конкретных человеческих свойствах, признавалось определенное право личности поступать по собственной воле. В 1775 году было издано «Учреждение губерний для управления Всероссийской империей», что способствовало укреплению позиций как местного чиновничьего аппарата, так и местного дворянства в администрации и суде на местах. На базе местного самоуправления должны были объединяться усилия всех сословий.

На местах учреждался совестный суд, который должен был противостоять административному и судебному произволу, ему предоставлялось право освобождения из-под стражи лиц, содержавшихся в заключении более трех дней без достаточных на то оснований. На Приказ общественного призрения возлагалась обязанность насаждать просветительные и филантропические учреждения — осуществлять строительство школ, больниц, приютов, богаделен и т. п.

Налицо решительный поворот. А. А. Кизеветтер писал: «Стародавняя историческая традиция приучила общество смотреть на все административные учреждения как на насосы, приставленные к источникам народного благосостояния и выкачивающие материальные ресурсы народа на пополнение государственной казны. Теперь закон провозглашал ту истину, что администрация должна служить обществу, расчищая почву и облегчая пути к подъему его культуры, причем было признано, что выполнение этой задачи может быть доступно для администрации лишь в том случае, если к участию в ней призываются сами местные общественные силы». Идея сотрудничества, активизации местных сил пронизывала все мероприятия власти.

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Становление позднего идеала всеобщего согласия стимулировалось не только инверсионной реакцией на банкротство авторитарного идеала. Формирование субкультуры правящей элиты включало также интерпретацию приобретающего *все более существенное влияние утилитарного идеала, а также обращение к либеральному идеалу*. Нравственная духовная жизнь приобрела сложный многоаспектный характер. Возник-

новение все более сложных проблем неизбежно заставляло смотреть в сторону Запада, который, как казалось по крайней мере определенным группам, обладал более эффективными средствами для решения возрастающего множества проблем. Запад постоянно посылал вызов, показывая свою более высокую эффективность в решении вроде бы тех же самых проблем, количество которых неуклонно множилось в стране. Поэтому Запад для России всегда оставался сложной амбивалентной проблемой. Он — носитель знаний и умений, внушавших, однако, подозрение в своем дьявольском происхождении. Своих результатов Запад добился на иной культурной нравственной основе, на протяжении столетий и даже тысячелетий развивая утилитаризм. Утилитаризм оказал мощное стимулирующее влияние на все стороны жизни общества, что в конечном итоге было необходимым условием возникновения либерализма — нравственного идеала принципиально нового типа.

Либерализм несет в себе новый тип социальных интеграторов, соответствующих специфике большого общества. Этот идеал *в определенном смысле противоположен синкретизму во всех его версиях*. Либерализм — нравственное основание общества либерального типа, т. е. общества либеральной цивилизации, коренным образом отличной от традиционной цивилизации с ее ориентацией на статичное воспроизводство. Интеграторы либерализма носят всеобщий характер. Они являются сложным результатом многовековой творческой деятельности миллионов, создавшей большое общество на его собственной основе. В этом существенное отличие от вечового идеала, который предоставлял для воспроизводства государственности культурное богатство догосударственной жизни. *Либеральный нравственный идеал по самой своей природе способен быть нравственной основой большого общества*. В этом его отличие от утилитаризма, который со своим своеобразным микроэмпиризмом и микрорационализмом привязан к частному, случайному и способен постоянно приспосабливаться к любому господствующему нравственному идеалу, выступать как средство его укрепления.

Определенный поворот правящей элиты к утилитаризму и тем более к либерализму мог быть результатом существенной духовной работы в обществе, нацеленной на постоянное переосмысление, интерпретацию, переинтерпретацию нравственных идеалов. Это означало, что *в обществе постепенно формировалась духовная элита*, т. е. социальная группа, профессионально занятая культивированием высших духовных ценностей общества на основе критического переосмысления высших результатов национальной и мировой культуры.

Большое общество, в особенности вступившее на путь утилитаризма, не может существовать, если в нем не сложилась духовная элита, занятая разработкой высшей культуры. Той культуры, которая поднялась до осмысления задач большого общества, человечества, которая ищет новые нравственные идеалы, пути воспроизводства большого общества, новые, более совершенные, достойные средства единения людей, более высокие цели. Гибель духовной элиты, изоляция ее от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации. Она — центр духовной жизни общества, где сконцентрирована выработка новых культурных и организационных мутаций. Она аккумулирует, концентрирует важные культурные новшества, возникающие в обществе, во всей толще народной почвы. *Духовная элита расширяет сферу самосознания.* Последнее является не чем иным, как способностью человека превращать свое сознание, свои идеалы в особый предмет рассмотрения. Самосознание — это рефлексия сознания, необходимый элемент всякого сознания, который может противостоять сознанию. В принципе *сознание и самосознание — полюса дуальной оппозиции, находящиеся друг с другом в диалоге*, в состоянии амбивалентного взаимопроникновения. Даже самое примитивное человеческое сознание постоянно порождает самосознание.

Духовная элита осмысливает, переосмысливает, разрабатывает идеи, лишь наметившиеся в сознании народа. Она формирует высшую форму осознания усложняющихся задач общества. Ее задача — поднять сознание от узких частных задач до уровня проблем большого общества, всего человечества.

Духовная элита постоянно занята переосмыслением нравственных основ жизни общества. Это делается с разных позиций: философии, богословия, литературно-художественного творчества и т. д., что приводит к расслоению в самой духовной элите. В обществе, тяготеющем к синкретизму, где сохранилась древняя синкретическая монополия власти на жреческо-идеологические функции, правящая и духовная элита слиты и медленно, с трудом осознают различие своих задач. Правящая элита призвана обеспечить повседневное решение медиационной задачи, постоянное следование общества социокультурному закону, слияние возможностей интеграции общества и ценностей массового сознания. Правящая элита по самой сути своих социальных функций должна ежедневно предотвращать углубление раскола вплоть до необратимой деструкции, максимально сужать разрыв между ценностями локалистского массового сознания и интеграцией общества. Задачи, стоящие перед духовной элитой, принципиально иные.

Переосмысление сознания выводит ее на новые ценности, на поиск путей новой, более достойной жизни. Она вдохновляется логикой высшей культуры, тогда как правящая элита следует логике наличных культурных форм, логике компромисса между ними. *В тенденции духовная элита действует по логике самосознания, а правящая — по логике сознания.* Поэтому диалог между ними — абсолютная необходимость для воспроизводства общества. Однако между ними возможен раскол, когда они превращаются в фактор дискомфортного состояния друг для друга. Для общества это может иметь трагические последствия.

Специфика духовной элиты в том, что ее шаг новизны, масштабы культурных новшеств могут быть больше приемлемых для основной массы населения. Это обстоятельство создает *предпосылку для раскола между духовной элитой и народом*, т. е. результаты творчества духовной элиты могут вызвать массовое дискомфортное состояние, раскол между разными формами сознания, между сознанием и самосознанием. Народ в условиях раскола для духовной элиты может выступать как «таинственный незнакомец» (И. Тургенев). В этом случае культурные мутации, вырабатываемые духовной элитой, не получают реального выхода за ее рамки. *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием*, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются.

По словам А. Герцена, до начала XIX века лучшие люди России шли вместе с властью, поэты воспевали царей, не будучи рабами. Духовная элита не видела в своей деятельности ничего, что противоречило бы задачам власти, стремилась к слиянию своих и ее целей. Таким образом, власть могла опираться на образованную часть общества. Например, идея особого назначения русского православия послужила обоснованием политики власти в борьбе против Новгорода. Труды представителей интеллектуальных кругов чаще всего выступали в форме челобитных царю, который в глазах общества был единственной силой, способной реализовать предполагаемые мероприятия. Мыслитель середины XVI века Ермолай-Еразм, протопоп дворцовой церкви, в трактате, написанном для Ивана IV, предложил программу переустройства управления страной, проект военных и судебных реформ. В трудах И. Пересветова нашло обоснование неограниченное самодержавие: «Не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, так и царство без грозы». Любопытно, что

труды Пересветова пользовались популярностью вплоть до конца XVIII века, что, по-видимому, было связано с культом авторитарных идей в читающем слое общества. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича» (1603) патриарха Иова нарисован идеал монарха. Там доказывалось, что Борис Годунов — наилучший преемник династии Калиты.

Преобразованиям петровского царствования предшествовала не одна программа реформ. Так, проект панслависта Крижанича чрезвычайно близок реформам Петра I. Вокруг Петра сложилась группа интеллектуалов — «ученая дружина», по определению Феофана Прокоповича. И подготовка, и сам ход преобразований проходили под влиянием интеллектуальных сил.

Представители духовной элиты часто занимали крупные государственные посты. Все крупные историки XVIII века были чиновниками на службе у правительства. Приверженность духовной элиты власти имела и негативную сторону, препятствуя ее влиянию на общество. По мнению В. Ключевского, прожектеры петровской эпохи не оказали заметного влияния на общественное самосознание. В этой связи эпоха Петра I была, как заметил Д. Лихачев, «самой нелитературной эпохой за все время существования русской литературы».

Нелегким оказался самостоятельный путь духовной элиты. Она не могла оставаться «мальчиком на побегушках» у власти, исполнителем ее утилитарных требований. Освободившись в результате падения крайнего авторитаризма от узкого утилитаризма, от нравственной зависимости от медиатора, она тем самым становилась наследницей идущей от Аввакума традиции нравственной независимости от власти. Это расширило возможность либерального разномыслия. *Либерализм в России опирался на два источника: во-первых, на отдаленные возможности перерастания утилитаризма в либерализм*, чему способствовало развитие городов, разнообразия форм деятельности; *во-вторых, на внутреннее движение высшей культуры*, стимулированное ростом внутреннего напряжения в стране, остротой раскола, возможностью постоянного использования культурного материала других стран и народов. Отдаленные истоки возникновения либерализма в стране можно видеть в линии, идущей от духовного вождя «заволжских старцев» («нестяжателей») Нила Сорского (ок. 1433-1508), который, в противовес господствующим взглядам на обрядовую сторону религии как на основную, проповедовал внутреннее совершенствование человека. Он требовал личного переживания веры, сосредоточения человека на своем внутреннем мире. Учение

его вело происхождение от византийских исихастов (XIV век), выдвигавших идею примата внутреннего созерцания, от отцов восточной церкви, от библейских пророков, ставящих выше всего Правду в человеческом сердце. Видения пророков, по словам А. Тойнби, всплывали из подсознательной глубины человеческой души.

Российский либерализм постоянно получал стимулы от высших достижений западной культуры, от западного либерализма. Важным звеном развития либерализма стало масонство, появившееся еще при Елизавете. Оно было нравственным движением дворянской молодежи. Масоны обращались к разуму и сердцу человека в поисках источника «истинной нравственности», нравственных оснований жизни в кризисной ситуации. Масонство стремилось преодолеть крайне болезненную для страны локальность, замкнутость мировосприятия, выдвигая идею всемирного братства. Цель его — «собрать добродетель со всех земных стран» без различий племенных, религиозных, сословных, поскольку у всех один отец. Видный масон И. Лопухин (1756-1816) составил катехизис, в котором было сказано: «Масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи»⁴.

Образованные круги вступили на путь либерализма, нравственного и социально-политического движения, осознавшего реальную необходимость и целесообразность для общества прогресса во всех его формах — нравственного, социального, экономического, политического и т. д. *В тенденции русский либерализм выступал как деятельность элитарного самосознания, преодолевающего синкретизм и творящего нравственный идеал общества нового типа.*

В либерализме инверсии противопоставляется диалог и, следовательно, заложено стремление преодолеть инверсионный тип социальных изменений в процессе поисков новых путей развития общества. Либерализм противопоставляет инверсионному типу изменений медиацию, анализ и синтез, постоянный поиск меры. Согласие достигается, таким образом, через диалог, движение к согласию посредством критики и к критике через согласие. Согласие же, основанное на вариантах древнего синкретического идеала, статичное по характеру своему, опирается на веру в его заданные нормы. *Либеральный и синкретический идеалы несовместимы.* Либерализм преодолевает локализм сознания, переходя к принципу всеобщей ответст-

⁴ Сидоров Н. П. Масонство и крепостное право// Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 163.

венности, ответственности каждого за целое, целого за каждого. Либерализм видит в расколе проблему, ему чужда вера в отвлеченную Правду традиций и заветов предков. В центре его — активная личность, синтез личного и общего в процессе развития. Идеал либерализма — активное стремление к общей пользе, которая совпадает с саморазвитием личности. Личность выдвигается на первый план как источник нового, как активное начало, как самоценность. Либерализм опирается на науку, на технику, тогда как синкретизм враждебен изменениям. Либеральный идеал носит динамический открытый характер и находится в непрерывном развитии. Он не имеет завершенной формы. Для понимания исторических путей либерализма в России крайне важно то обстоятельство, что он стал удобной формой интерпретации идеала всеобщего согласия как духовной, так и правящей элитами.

Екатерина II, которая, не в пример предшествующим правителям страны, была европейски просвещенным человеком, мечтала о переустройстве России на либеральных основах. У нее был достаточный запас наблюдений, опыта и знаний. Отсутствие национальной социальной науки вынуждало Екатерину обращаться к теориям западных просветителей, к сочинениям Монтескье, Беккариа, немецких публицистов и французских энциклопедистов. Но если для Запада эти сочинения были важнейшей ступенью самосознания, самосовершенствования общества, то в России они приобретали совершенно иной смысл, оценивались в иной модальности. Обращение к западной науке явилось прежде всего симптомом поисков выхода из социального и политического тупика, знаменовало собой порыв к реформаторству, а также говорило о содержании интересов духовной элиты, о ее критическом настрое. *Но западные теории, выросшие на принципиально иной культурной почве, оказались практически беспомощными в условиях России.* Они не были бесполезными для русского читателя, показывая ему, что общество должно быть предметом изучения, и тем самым приводя к мысли о необходимости реформ, о назревшей потребности в социальной теории и практическом ее воплощении. Они, наконец, познакомили русских с идеалами Запада, причем оказалось, что социальный идеал не обязательно заимствуется из прошлого, но может созидаться по мере прогресса знаний. Идеи эти для духовной и правящей элиты России имели скорее общеметодологическое значение: реальной программой в условиях России они стать не могли. В екатерининском «Наказе» Комиссии Уложения изложены основные идеи, касающиеся преобразования жизни страны на основе либерализма, достижения согласия между обществом и

государством. Одновременно он свидетельствовал *об абстрактности либеральных стремлений, оторванности их от реальных мотивов, которыми руководствовались социально значимые слои общества.*

С правительственного одобрения развернулась широкая издательская деятельность, выросло количество издаваемых в стране журналов. Либерализм выступал и как независимая сила, и как правительственная политика.

РАСКОЛ ПРАВЯЩЕЙ И ДУХОВНОЙ ЭЛИТ

При Екатерине II сложилась, казалось бы, исключительно благоприятная ситуация: единство правящей и духовной элиты, т. е. власти и разума, создавало основы для совместной деятельности, организационного созидания, для осуществления самых заветных замыслов. Тем не менее *в расколотом обществе раскол между правящей и духовной элитами был неизбежен.* Причина его лежала достаточно глубоко. *Духовная элита шла к либерализму, тогда как правящая элита страшилась прежде всего накопления социокультурных противоречий, противоречий между массовым сознанием, наиболее влиятельными ценностями общества, с одной стороны, и государственностью, ее политикой, функциями, всей организацией власти — с другой.* Это особенно ярко видно на примере Екатерины II, которая в силу своего образования и воспитания склонялась к либерализму. В стране не было третьего сословия. Питая интерес к этой проблеме, императрица пригласила к себе 28 купцов. «Однако их просьбы оказались самыми прагматическими (пошлины, цены, монополии) и совершенно не касались политических, судебных прав, столь заботивших французского буржуа; среднее же российское купечество и мещанство, узнав о совещаниях, испугалось, как бы не усилилась, не выгадала от новых привилегий приглашенная царицей верхушка... Выяснилось, что конституции, высшие советы, парламенты совершенно не волнуют российское дворянство, за исключением самой небольшой группы мыслящих идеологов (братья Панины, Дашкова, Фонвизин и др.); боязнь мелких дворян, что в высших совещательных, политических органах укрепятся могучие аристократы, явно перевешивала стремление к свободе, независимости... Поэтому уже подписанный в августе 1762 года указ о создании „конституционного“ Императорского совета Екатерина вскоре надорвала, остановила»⁵.

⁵ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 72-75.

Екатерина II была даже вынуждена однажды использовать военную силу для защиты от бесчинства выбранных органов.

Раскол, который мучительно, с возрастающей силой ощущала правящая элита, стимулировал ее попытки усилить политическую активность определенных слоев, активизировать систему самоуправления. Новые институты там, где они насаждались, превращались в форму государственной службы. Складывался заколдованный круг. С одной стороны, власть административными средствами эпизодически пыталась повысить политическую активность тех или иных слоев, но, с другой стороны, эти люди, не ощущая еще в этом внутренней потребности, не отличали эти попытки от других неприятных для них форм административного нажима, что лишь усиливало сопротивление этим попыткам.

Императрица, не встречая в стране даже минимальной поддержки либерализму, отступила. В 1792 году по указанию Екатерины без суда и следствия был заключен в Шлиссельбургскую крепость Н. Новиков. В издаваемых им журналах велась полемика с императрицей, высмеивались знать, судебные порядки, хотя до принципиального осуждения существовавшего режима дело не дошло. В лице Новикова мысль, высшая культура впервые выступила как независимая от власти сила. В том же году были запрещены масонские организации. Екатерина II, казалось, забыла о «Наказе» — правящая элита увидела в лице духовной элиты потенциального врага, в плодах ее труда — разрушительное оружие. Наиболее ярким фактом разрыва явилась расправа с А. Радищевым (1749-1802). Его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) прямо объявляет самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». Он считал закономерной вековую тягбу народа с государями и отстаивал свободу слова. Безрезультатной оказалась попытка авторов конституционного проекта графа Н. И. Панина и писателя Д. И. Фонвизина. В их тайных проектах 1770-х годов проводилась идея освобождения крестьян. В сущности, проекты были вполне в духе «Наказа». С новым этапом раскола власть лишилась разума, а духовная элита — силы, возможности диалога с обществом посредством сложившихся социальных институтов. В крайне сложной ситуации власть оказалась вооруженной лишь рассудком, обыденным сознанием, а духовная элита, теснимая властью, оказалась под угрозой изоляции. Крах либеральных идей Екатерины еще раз подтвердил ограниченность возможностей власти, ее зависимость от господствующих в обществе ценностей.

В повороте Екатерины от либерализма и просветительства, бесспорно, сыграл свою роль и страх перед разразившейся

Великой Французской революцией. Екатерина II лучше других почувствовала смысл краха крайнего авторитаризма, к чему понуждала ее и неустойчивость ее положения государыни, захватившей трон без всяких законных оснований. Оно осознала неприятие широкими слоями как дворянства, так и крестьянства ценностей либеральной цивилизации. В этом главная причина поворота политики в 90-х годах и разрыва с духовной элитой.

Однако правящая и духовная элиты нуждались друг в друге, и либерализм, казалось бы, мог стать нравственной основой их единства. Александр I (1801-1825) объявил, что будет управлять «по законам и сердцу» своей «премудрой бабки», что свидетельствовало о попытке вернуться к либерализму и примириться с Духовной элитой. Царь пытался подготовить некоторые либеральные реформы. Их общее направление можно определить как уравнивание всех сословий перед законом и приобщение к совместной деятельности, дружному участию в государственном управлении. Император и его приближенные главным злом в управлении считали «произвол», отсюда их планы водворения строгой законности. Проект М. Сперанского предполагал введение выборности всех законодательных, исполнительных и судебных органов, учреждение Государственной думы с правами законодательными и с ответственным министерством. Правящая элита пыталась нейтрализовать негативные последствия всеобщего крепостничества. Крестьянство нельзя было оставлять во власти дворян, так как это в конечном итоге было чревато взрывом.

В начале царствования была запрещена аренда населенных земель в частную собственность, по указу 1803 года помещики получили право отпускать на волю крестьян, наделив их землей, официальное подтверждение получило существование сословия «свободных хлебопашцев». Была запрещена продажа людей на ярмарке, что, впрочем, не сыграло важной роли; отменено право помещиков ссылать крестьян на каторгу. При Александре I были сделаны определенные шаги навстречу ценностям крестьян и даже фабричных. Кабинет министров принял специальное постановление: «По справедливым жалобам крестьян помещиков предавать суду, а имения их брать в опеку; по справедливым жалобам дворовых людей освобождать их от услуг помещику, выдавать паспорта для снискания пропитания». В результате деятельности особого комитета по расследованию положения на казенных предприятиях в 1818 году был издан царский указ «Об улучшении на казенных предприятиях способов содержания фабричных». Выступая в польском сейме, Александр I подчеркнул значение «законно-

освободительных учреждений». Их «спасительное влияние» он обещал распространить на всю Россию. Конституционный опыт Польши рассматривался царем как этап в развитии представительного правления по всей стране. Будущая конституция должна была соединить западную идею права с неограниченным самодержавием.

Однако и эти попытки либерализации успеха не имели. А. Герцен писал об Александре, что он желал улучшений, но не знал, как приступить к ним. Предпринимая попытки двигаться по либеральному пути, он терял опору в социально значимых слоях, среди основной массы общества — дворянства и крестьян. Отсюда отмеченные декабристом А. Беляевым «частые колебания» правительства, т. е. неспособность преодолевать ограниченность хромающих решений. Проекты реформ повисали в воздухе.

В. Ключевский так характеризовал деятельность Сперанского в первые годы царствования Александра: «Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России... <...> Это была политическая мечта...»⁶. Либерализм этого этапа носил абстрактный характер, т. е. не мог в должной степени конкретизировать собственные идеи. Тяготеющая к либерализму система ценностей правящей элиты и система ценностей крестьянства могли сохранять определенную видимость единства в статике. Но любая попытка правящей элиты что-либо существенно изменить выявляла скрытый глубочайший раскол, что внушало страх перед любыми значимыми изменениями. «Александровская весна» зашла в тупик. Интимный кружок при императоре распался, Сперанский был отстранен. Это дает основания говорить о трагедии Александра, вынужденного проводить политику, противоречащую его убеждениям. Царь оказался совершенно бессильным. «Александр начал Марком Аврелием, кончил Тиберием. Солнце, взошедшее так ясно, закатилось в кровавый туман. Он умер среди наступающего террора, среди ужаса, который внушал другим и который равен был ужасу, который сам он испытывал»⁷.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 218-219.

⁷ Мережковский Д. С. Поли. собр. соч. СПб.; М., 1911. Т. 10. С. 43.

Опыт общества в условиях господства позднего идеала всеобщего согласия показал, что смыкание духовной и правящей элит происходило на основе обоюдного стремления к либерализму. Расхождение же между ними, конфликт, доходивший до вооруженного столкновения, возникает в результате краха либеральной политики власти. Правящая элита, нацеленная на повседневное решение медиационной задачи, в результате кризиса своей политики может быстро изменить курс, тогда как духовная элита, склонная заглядывать далеко вперед, сделать это не может. Однако проблема заключается в том, что в условиях преобладания в обществе тех или иных вариантов вечевое нравственное идеала либеральный идеал, во всяком случае в сложившихся в то время формах, не открывал путь решения медиационной задачи. Инверсионная волна оставалась в рамках древнего вечевого идеала и могла лишь перемещать фокус между двумя крайними полюсами оппозиции «авторитаризм — соборность». Следовательно, во всех случаях господствующий идеал оставался в рамках общества, тяготеющего к синкретизму. Господство разных форм вечевого идеала не выходило за рамки доминирования партиципации, стремления слиться с тотемом — монополистом на Правду, на власть. Это означало, что медиационная задача во всех случаях могла решаться лишь на основе социальных отношений, сохраняющих статичный образ тотема, который выступал одновременно и как некоторое сообщество, и как отец-вождь-царь. Либеральный идеал, однако, означал отказ от партиципации и, следовательно, требовал решения медиационной задачи на противоположном принципе личной ответственности за общество, требовал динамичности целей и ценностей. Эта раздвоенность не могла не усиливать социокультурное противоречие, дискомфортное состояние: негативное впечатление об общем нарастании хаоса в обществе усиливало противоречие между культурой и социальными отношениями, между субкультурами государственности и локальных миров, между разными типами социальных отношений. В основе этого лежало мощное и изменяющее свою направленность развитие массового сознания, которое оставалось во власти догосударственных идеалов и двойственного отношения народа к власти.

«ЖЕЛАЕМ ОСТАТЬСЯ КАЗЕННЫМИ»

Власть постоянно сталкивалась с манихейской враждебностью народа к правящему слою и одновременно с его стремлением слиться с царем. В одном из подложных указов

Екатерины II, распространявшихся среди крестьян, дворяне обвинялись в том, что по их вине изринута из России Правда. К екатерининской эпохе относится литературный памятник «Плач холопа», автором которого, видимо, был крепостной человек. В нем сказано, что только воля выведет всякую неправду, что тогда переведутся злые господа. В «Плаче» видна и враждебность к иностранцам. Но сама царская власть в нем трактуется как высшее благо. Некий И. Батурин, подкараулив однажды цесаревича Петра, предложил «взбунтовать народ в его пользу»⁸. Башкиры об императрице говорили: «Она правосудна, но правосудие от нее не отошло и к нам не пришло». Взбунтовавшиеся крестьяне Полоцкой губернии заявили: «Ничего нам не будет, ибо государь позволил просить на отягчающих помещиков, да от нас уже и посланы с прошением к царю». Своей высшей точки возмущение достигло в восстании Е. Пугачева (1773-1776), охватившем чуть ли не половину страны. Восставшие грабили усадьбы помещиков, истребляли представителей правящего слоя, разрушали города, сжигали металлургические заводы на Урале. Интересно, что изучение А. Пушкиным истории пугачевщины послужило его освобождению от поклонения перед народом.

Пугачев был по крайней мере седьмым по счету самозванцем, выдававшим себя за Петра III. В восстании было велико влияние староверия, некоторое время на знаменах восставших был староверческий крест. При всем разнообразии этнического и религиозного состава восставших их объединяло стремление к старой вере; для народов Поволжья это был возврат к своим старым дохристианским верованиям. Их общность с русскими староверами состояла в ориентации на древние формы жизни, в неотступном желании обрести на престоле природного царя. В. Короленко говорил о значении образа Петра III — Пугачева: «Найден царь, настоящий, общий, способный всех примирить, установить гармонию интересов. Великая народная мечта, великий и трагический обман!..»⁹

Народу нужен был царь-избавитель. В одной из староверческих легенд Петр I предрекает явление другого Петра — мстителя и избавителя, и тот обещает: «У всех у них отниму крестьян и сделаю, как в старину бывало». Пугачев выступал как воплощение Правды, гарант народной свободы. «Свобода», как это явствует из крестьянских документов, означала жизнь под «премудрым управлением всероссийского скипетра» в противоположность жизни под властью помещика. Пугачев жало-

⁸ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 138.

⁹ Короленко В. Г. Записные книжки (1880-1900). М., 1935. С. 367.

вал своих подданных «вольностью, без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов побору, коими казна сама собою довольствоваться может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великой исчисление иметь будет. Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый несочувствует прописную вольность и свободу». Он обещал народу «свободу и тишину» на земле, «кая до века продолжаться будет». «Тишина» пугачевских манифестов и состояние «покоя» в сказочных сюжетах, которое дает народу получивший царство герой,— проявления одного и того же менталитета. «Как только цель достигнута и несправедливость устранена, наступает состояние покоя („Стали жить-поживать и добра наживать“), действие дурных закономерностей прекращается, динамический сюжет исчерпан и будущее мыслится как некая статичная социальная структура»¹⁰.

Пугачев обещал мир на веки вечные, социальную гармонию и избавление. Он был враждебен начальству, и это определяло его непосредственно эмоциональную связь с народом: «Жалуем сим именным указом, с монаршеским и отеческим нашим милосердием, всем находящимся в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короны». Рабство помещику заменялось рабством царю. Интересно, что этой идеей обосновывал абсолютизм Посошков в своем сочинении «О скудости и богатстве», утверждая, что помещики крестьянам не вековые владельцы, а владелец им царь. Переход от помещика под власть царя понимали как переход в разряд государственных крестьян, «в казну»: «Умрем, а не хотим быть за помещиком. Желаем остаться казенными». Это было наиболее радикальным из требований крестьян. Оно коренилось в тотемических представлениях, требующих от людей партиципации к внешнему сильному авторитету, держателю монополии.

Рабство царю, т. е. носителю высшей Правды, не есть, собственно, рабство, но отдача себя под власть справедливого отца — могущественного царя. Одновременно крестьяне несли в себе непримиримую вражду к правящему слою, так как он не вписывался в тотемическую модель мира. Восстание мордовских крестьян Тюрюшевской волости в 1743 году было вызвано религиозными притеснениями, затем оно перекинулось в соседние районы и продолжалось два года. Восставшие угрожали начальству «побить вас всех до смерти». В пугачевских манифестах крестьяне призывались истреблять «злодеев-дворян...

¹⁰ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 161.

Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах,— оных, противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать». Суд над большинством помещиков, «облихованных» крестьянами, оканчивался виселицей. Обычны были самосуды с убийством всей семьи помещика, включая детей. Один из эmissаров Пугачева объявил: «Если кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалование сто рублей, а кто десять дворянских домов разорит, тому 1 000 рублей и чин генеральский». Восстановление общинного самоуправления, независимого от помещичьей вотчинной администрации, явилось главным требованием волнений в 1820-1840 годах в целом ряде имений. Во всех этих случаях крестьяне отказывались повиноваться старостам и бургомистрам, которых навязывали им помещики, и выбирали своих, которые обычно возглавляли волнения.

В первой половине XIX века сокращалось число наемных управляющих и управление в имениях передавалось бургомистрам из крепостных, которые выбирались миром. Разумеется, этот процесс не проходил везде одновременно. Существенно, что единичей крестьянских волнений была община, т. е. волнения почти никогда не охватывали лишь часть общины и, как правило, не выходили за рамки имения или общины. Крестьяне стремились предотвратить нежелательные изменения, вернуться к идеальному прошлому. Декабрист А. Бестужев писал о них: «Все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего»¹. В рапорте Курского наместнического правления Сенату о вооруженном выступлении крестьян села Новосергиевского в 1796 году указывалось, что крестьяне, по их словам, стремились «к удержанию им себя в настоящем положении»². Все требования сводились к отмене разрушительных для сложившихся форм жизни перемен, противостояли государству и помещикам.

Требования солдат также не выходили за рамки существующих порядков. Они сводились к защите элементарных условий жизни. Протесты их связаны с хищением солдатских провиантских сумм, с чинимыми ненавистными командирами жестокостями и непосильными учениями. Особенно сильное недовольство вызвано было военными поселениями, где вся жизнь подчинялась военному режиму, регламентация жизни была доведена до крайней степени (полевые работы проводились по команде капрала, браки устраивались по воле начальства и т. д.).

¹ Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 37

² Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. М., 1961 С. 40

Сказывалась парадоксальная ситуация, когда диалог власти и крестьянства превращался в свою противоположность, в конфликт, порождающий у той и другой стороны дискомфортное состояние, представление о нарастающем хаосе. Буквально все постановления правительства толковались в народе совершенно превратным образом. Например, запрет Петра III (1761—1762) на покупку заводчиками крестьян вызвал среди последних волнения, так как они решили, что их освободили от работы на заводах. Слухи о «вольности» возникали, например, в результате лишения церкви права владения крестьянами, в результате освобождения дворян от обязательной службы, в результате собрания комиссии Екатерины II. Крестьяне упорно рассматривали нежелательные указы как подложные и ожидали «истинного» указа. Смена царя сопровождалась новыми ожиданиями. Указ Павла I, требовавший присяги от крестьян, стал истолковываться следующим образом: присягать велено «для того, чтобы крестьянам не быть за помещиками». Распространился слух, что царь дал волю, но господа ее скрыли. Это тоже вызвало волнения. Такое же воздействие оказал указ 1796 года о дозволении крестьянам подавать жалобы на высочайшее имя. Инверсионное сознание не воспринимало промежуточных половинчатых решений. Указ 1803 года о свободных хлебопашцах был воспринят как право самих крестьян возбуждать дело о выкупе на свободу, в результате чего опять-таки имели место волнения. В этой ситуации любое изменение могло быть опасным, что порождало консерватизм власти, парализовало либеральные стремления к переменам. Страх перед иррациональным поведением народа, перед бунтом, перед новой пугачевщиной постепенно стал постоянным состоянием правящей элиты. Г. Федотов писал: «С последних дней Екатерины монархия находилась в состоянии хронического испуга». Правящая элита постоянно слышала угрожающий шепот, который не поддавался контролю и мог стать предпосылкой взрыва.

Требования крестьян носили антигосударственный характер, но это обстоятельство маскировалось тем, что непосредственным объектом их недовольства были помещики. Считалось, что все дело в экономических отношениях помещиков и крестьян, в стремлении крестьян «стать казенными», т. е. перейти в крепостную зависимость к царю. Однако причины недовольства крестьян были более глубокими: они тяготели к древнему земледельческому идеалу вольной догосударственной жизни. Постоянно выдвигались требования, разрушительные для государства, например, отказ от платежа податей, от рекрутчины. После разгрома Пугачева в течение

двадцати лет появились еще по крайней мере тринадцать самозванцев, распространялись подложные указы, вспыхивали бунты. *Крестьяне продолжали поиск пути в свое утопическое царство с народным царем, защищающим локальные миры от государства.* Усиление враждебности к начальству, помещикам, которые как будто потеряли моральное право владеть крестьянами, общая дезорганизация от бунтов вызывали рост дискомфорта состояния. Общее разочарование в сложившемся порядке толкало к господству авторитарного идеала. Эта тенденция охватила и высшие уровни власти. *Крах государственного либерализма привел к существенным расхождениям среди либерально настроенных людей.* Часть из них опасалась бороться за осуществление своих идеалов, страшась разрушительных последствий. Известный поэт и критик П. А. Вяземский (1792-1878) писал в 1820 году: «У нас что ни затей без содействия самой власти, все будет пугачевщина». С.И. Тургенев полагал, что «попечение об улучшении жребия России вовсе отложить должно». Подобные настроения означали, что часть образованного слоя продолжала поддерживать власть, поставляя ей просвещенных организаторов. Другая часть, однако, предпочла не отступать от своих идеалов. Возникло движение декабристов.

ДЕКАБРИСТЫ

Декабристы по своим целям были близки к реформистским идеям М. Сперанского, в той или иной степени пытались воплотить неосуществленные замыслы «дней Александровых прекрасного начала». Преследуя, казалось бы, либеральные цели, они в своих средствах намеревались вступить на путь насильственного подавления своих противников, полного отказа от идеала всеобщего согласия, отходя вновь на позиции авторитаризма. Декабристы мучительно переживали раскол между народом, прежде всего крепостным крестьянством, и высшим слоем общества. Патерналистская жалость к народу — характерная черта декабристов. Они были наследниками А. Радищева, хотя большинству из них «Путешествие из Петербурга в Москву» не было доступно. Радищев писал: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»¹³. *Мотив покаяния, покровительства и жалости становится неизменным элементом мировосприятия духовной элиты.* Декабризм развивался в русле этих идей. «Народ, для

¹³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Столетие безумно и мудро. М., 1986. С. 125.

которого мы восстали» — это слова П. Каховского. М. Лунин говорил о потребностях народа, которые надлежало удовлетворить. Народные бедствия — постоянная тема, обсуждавшаяся декабристами. По сути дела, это была партиципация, где народ рассматривался как тотем, как единственный источник Правды. При этом не делалось выводов из принципиальных различий в системах ценностей, что обрекало замыслы декабристов на полный провал, независимо от событий на Сенатской площади. Декабрист И. Д. Якушкин попытался освободить своих крестьян, сохранив за ними имущество, строения и усадьбу с огородами, а также выгон без денежной компенсации (примерно по одной десятине на двор). Он решил освободить их от крепостного состояния, в котором крестьянин работает, «никогда не напрягая сил своих», почему и не может выйти из нужды. Якушкин предоставлял крестьянам право аренды помещичьей земли, что, по его мнению, было крестьянам выгодно, но столкнулся с полным непониманием. Крестьяне отвечали помещику: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому, мы ваши, а земля наша»¹⁴. Страх перед системой аренды оказался сильнее тяги к личной свободе в либеральном ее понимании.

Почему же крестьянство не поддержало тех, кто сулил им волю, землю, народовластие? Крестьянство видело мир в соответствии с исторически сложившимися архаическими представлениями, в свете которых царь являлся началом позитивным, а начальство и, следовательно, декабристы — началом негативным. Расправа с ними царя повсеместно воспринималась как справедливое возмездие начальству: «Начали бар вешать и ссылают на каторгу, жаль, что всех не перевешали, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ли, коротко ли, им не миновать этого», — таков отклик кантонистов на происходившие события¹⁵.

Восстание декабристов связывалось с легендой о царе Константине, брате Александра I и Николая I, отрешившемся от престола. Ему приписывали желание освободить крестьян, чему мешали «господа». Слухи эти распространялись повсеместно. Любопытно, что солдаты не реагировали на лозунг: «Долой крепостничество, самодержавие, рекрутчину», но вышли из казарм после лозунга: «Ура, Константин!»

По сути дела, декабристы в обращении к солдатам использовали опыт самозванцев, вписываясь в архаичные представления о «природном царе». Как отмечал «Федор, Федоров сын»,

¹⁴ *Семевский В. И.* Декабристы и крестьянский вопрос // Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 180.

¹⁵ *Декабристы.* М., 1926. С. 37.

восстание декабристов — это все действия «господ» «против освобождения крестьян». По его мнению, Александр I жив, но «продан в рабство». Аресты дворян, причастных к декабрьским событиям, порождали у крестьян уверенность в «законности» выступлений против помещиков¹⁶. *В конфликте между декабристами и царем народ был на стороне царя, т. е. авторитарной власти первого лица.*

Изолированные как от власти, так и от народа, декабристы пошли по пути тайных организаций, следуя опыту дворцовых переворотов. Организации декабристов насчитывали всего лишь десятки и сотни человек. Насколько это мало, видно хотя бы из того, что во Франции, Италии, Греции общества карбонариев располагали тысячами и десятками тысяч членов. А. Грибоедов иронизировал: «Сто прапорщиков хотя бы изменить весь государственный быт России». Малочисленность декабристов была одним из свидетельств их отрыва от почвы.

Движение декабристов и его разгром — важная веха в истории страны. Духовная элита, еще совсем недавно не отделявшая себя от правящей, показала свою самостоятельную нравственную силу, способность следовать собственным принципам независимо от внешних обстоятельств. Однако уровень понимания этих задач оказался крайне низким. Декабристы считали, что достаточно добиться новой государственности революционным путем, чтобы автоматически осуществить все желаемые изменения, включая и улучшение нравов. Хотя мнение это и не было общим, тем не менее данная точка зрения легла в основу всей деятельности декабристов. Всегда и во всех планах у декабристов захват власти выступал как бесспорная практическая задача, как средство для достижения свободы. При этом не учитывался негативный опыт правящего либерализма.

Стремясь отменить крепостное право, они имели в виду лишь отношения крестьян с помещиками и государством, не зная о глубокой укорененности крепостничества в локальных крестьянских сообществах. Кроме того, отмена крепостничества означала бы развал всей сложившейся государственности, так как при этом помещики немедленно лишались возможности нести свои административные функции. Тем самым ломалась сложившаяся скверная, но тем не менее функционирующая система, питающая медиатор. Каким образом новая власть осуществляла бы связь с многочисленным свободным крестьянством, для которого враждебный мир начинался там,

¹⁶ Чернов С. Н. Слухи 1825-1826 годов (Фольклор и история)// Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи. Саратов, 1960. С. 329-346.

где кончалась граница локального мира? Об этом декабристы, кажется, не слишком беспокоились. Общинный крестьянин, почти не заинтересованный в рынке, стремился превратить свой локальный мир в крепость, защищающую от начальства и государства. Он бросил бы государство на произвол судьбы, чтобы затем вновь обрести себе тотем-царя, который бы «всех равнял» и охранял от внешнего зла. *Поэтому декабристское движение можно рассматривать как результат определенного слияния незрелого абстрактного либерализма, заполняющего свои пробелы синкретизмом, локализмом; как движение, объективно направленное на усиление локализма. Его мощь в обществе была столь велика, что любая активизация либерализма, попытка изменить общество на его основе вела к активизации локализма.*

РАСКОЛ СОЗНАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ

Независимый либерализм, как, впрочем, и правительственный, оказался несостоятельным как конструктивное начало. Он обнаружил значительную зависимость от синкретизма, которая выражалась не только как вера во всемогущество внешних сил, в данном случае государства, но и как склонность к инверсионным актам. Отсюда крайности — полная пассивность одних и вооруженное выступление других, отсюда характерное поведение арестованных декабристов, отвечавшее обычной схеме бунта: разочарование в инверсии вызывало обратную инверсию — раскаяние, отказ от идеи бунта. Следуя либеральным целям, декабристы тем не менее обратились к насилию, склоняясь к тайным методам заговора вплоть до готовности к убийству царя.

Либерализм столкнулся с исключительно сложной медиационной проблемой, которую он не мог даже осознать в удовлетворительной степени. Поражение правительственного и независимого либерализма, их неспособность реализовать свою программу имели одну и ту же причину — глубочайший раскол общества и слабость почвенных истоков либерализма.

Отсюда, однако, было бы неверно делать вывод, что либерализм в России — своеобразная ошибка, результат внешних влияний. Либерализм опирался на неистребимый источник, на пробивающееся через толщу синкретизма стремление к росту и развитию. Либерализм нес в себе знание, хотя на первых этапах абстрактное, одностороннее, крайне ограниченное, — знание того, как строить большое общество на основе новых социальных интеграторов. Развитие либерализма создавало необходимую предпосылку для осмысления реальности России,

для развития срединной культуры, способной стать предпосылкой ликвидации раскола. *Общество нуждалось в либерализме, даже если его активизация и вызывала враждебную реакцию синкретизма.*

Либерализм постоянно искал выход в медиации, в массовом творчестве, в создании более совершенной цивилизации, в поисках не только новых целей, но и новых, более совершенных, более эффективных средств. Именно за это ухватились разные слои общества, в особенности правящая элита. Но между западным либерализмом и либерализмом в России имелись существенные различия. Западный либерализм вызревал в условиях развитого сословного общества, стремясь оторвать государственность от сословий, положить в основу государственности ответственную личность. В России борьба вокруг государственности шла в иной плоскости, т. е. между сословиями, в той или иной степени растворенными в государственности, и уравнительными силами, угрожающими не только государству, но и самим сословиям. Российский либерализм развивался в традиционном обществе, что, однако, не исключало эпизодическое, эклектическое использование его как основы государственной политики. Это усилило в либерализме патерналистский аспект, озабоченность тем, чтобы все, прежде всего новые поколения, интериоризовали определенные ценности общества. *Элемент патернализма неизбежен в любой форме либерализма как импульс для широких слоев с целью их саморазвития. Однако в расколотом обществе патернализм в либерализме приобрел гипертрофированные размеры.* Патернализм опирался на представления о том, что высшие ценности либерализма должны быть внедрены в массы всеми средствами, включая административное давление (правительственный либерализм), революционный захват власти, т. е. в конечном итоге террор. *Подобный патернализм еще не оторвался от представлений синкретизма и выводил либерализм за его собственные рамки.*

Усложнение общества привело к переходу раскола в следующую стадию. Произошел раскол сознания и самосознания, правящей и духовной элиты, принявший форму вооруженного столкновения. Раскол произошел между людьми, которые пытались найти выход из создавшейся ситуации, опираясь, насколько это возможно, на консервативное массовое сознание, не склонное к переменам, и теми, кто искал выхода, опираясь на самосознание, на высшее содержание культуры, открывающее путь использованию изменений, прогресса. Правящая элита колебалась между этими решениями. Однако суровая необходимость следования ценностям массового сознания требовала

первого решения. Духовная элита тяготела ко второму решению. Менее озабоченная повседневным, локальным, частным, она была обременена заботой о будущем, устремлялась к всеобщим ценностям. *Сложная динамика отношений правящей и духовной элит является одной из важнейших проблем истории страны.*

КРАХ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ

Поздний идеал всеобщего согласия так же, как и все предшествующие, потерпел банкротство независимо от того, в каких формах он выступал. Общество не нашло в себе сил продолжать поиск альтернативы, выходящей за рамки возможностей инверсии. Это неизбежно вновь вызывало нарастание дискомфорта во всех слоях общества. Попытка Екатерины идти навстречу народным потребностям фактически оказалась попыткой идти навстречу дворянству. Эта часть общества выступила перед первым лицом как целое, как представитель целого. Государство уступало дворянству права на личность и труд крепостных, возлагая за это на него ответственность за уплату подушной подати и поддержание крестьянского хозяйства. Для русского крестьянства это означало лишь наступление нового этапа закрепощения. Ориентируясь на дворян, Екатерина II, по выражению Г. Плеханова, головой выдала им крестьян. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о крахе идеала всеобщего согласия.

Манифест о вольности дворянства нанес мощный удар по нравственным основам системы. Неслыханная в России отмена крепостничества хотя бы для одного сословия не могла не потрясти все здание. Сложившееся равновесие было нарушено. Все более перед лицом власти выступали особые интересы крестьянства. Крестьянин видел оправдание своей крепостной зависимости в том, что его труд был платой помещику за службу государю, за сохранение власти царя-батюшки. Попытка воплотить в жизнь либеральный идеал означала, что государство вступило в конфликт с синкретизмом, т. е. с реальной нравственной основой интеграции общества. Принцип партиципации личности к целому оказался подорванным в одном из социально значимых пунктов, тогда как либеральный идеал не мог заполнить образовавшуюся пустоту в массовом сознании. По крестьянской логике царь, освободив своих слуг от обязательной службы, должен был освободить и крестьян от обязанности их содержать. Эти настроения выражены небогатым дворянином Федором Кречетовым: «Раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян,

ведь они тоже человеки». Он был репрессирован и вышел из заключения лишь в царствование Александра I.

Локализм обескровливал государство. Весь государственный аппарат был подвержен его влиянию. Даже губернаторы были не только представителями самодержавия на местах, но и локальными центрами власти, в каких-то позициях противостоящими центру. Дворянину предоставлялось право ограничиваться своими местными делами. «Начался процесс обезгосударствления, „дезинтеграции" дворянства»¹⁷. В первое время на местах наблюдался известный энтузиазм, но уже вторые выборы выявили традиционное отношение к выборной должности как к обременительной обязанности, к тяглу. В начале XIX века гражданская служба у дворян «не пользовалась особенным сочувствием, клички „приказной", „чернильная душа", „крапивное семя" и т. п., бывшие в общем употреблении со времени Сумарокова и Фонвизина, наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворянина вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживали иногда указанием высших правительственных лиц»¹⁸. Это негативное отношение распространялось также и на выборные должности.

Выборные органы пасовали перед бюрократией. Причины заключались в традиционной слабости государственного самосознания. Не дала также ожидаемого эффекта ликвидация самостоятельных центральных учреждений. Местный аппарат не справлялся с растущим потоком бумаг, поступающих сверху. Злоупотребления и волокита местных властей порождали недовольство. Новые учреждения работали медленно и обходились дорого. Коллегиальность рождала невиданную волокиту. Идеал согласия весьма быстро показал свою ограниченность, поскольку глубоко расколотое общество не создавало более или менее удовлетворительных организационных форм, соответствующих идеалу, да и сам он не получил достаточно конкретизированной разработки. Иначе говоря, этот идеал, как, впрочем, и все предшествующие, не создавал достаточной основы для преодоления социокультурных противоречий, противоречий между массовым сознанием и государством как социальным интегратором. Реформа управления, предполагавшая объединение государственного и локального интереса в единой организации, реально не смогла способствовать их слиянию. Не хватало творческого объединяющего начала, общей основы для большого общества и местного мира. Спонтан-

¹⁷ Федотов Г. П. И есть и будет. Париж, 1932.

¹⁸ Государственная канцелярия 1802-1902 гг. СПб., 1902.

ные силы во всех сословиях, включая дворянство, не стремились достаточно активно к интеграции, не были пронизаны сознанием ценностей большого общества. Положение все больше усложнялось. Отказ от некоторых элементов государственного крепостничества означал, что в правящей элите возникло стремление демонтировать основы синкретического общества и государства. Но этим не решался вопрос об альтернативе. Либерализм пытался выдвинуть новый идеал, но его абстрактность и оторванность от массовой базы практически не позволяли рассматривать его в качестве альтернативы, имеющей реальные шансы на реализацию. Принцип всеобщего согласия не мог быть превращен в государственную политику по отношению к основной массе населения — крестьянству. Оно в глазах власти выглядело скорее как нечто внешнее по отношению к государственности. Положение государства, высшей власти ухудшилось вдвойне как в связи с уходом дворянства в местные дела, так и с появлением в сознании крестьян представления о несправедливости своего положения, ростом враждебности ко всякому начальству, стремлением отдаться царю-батюшке. Все это угрожало катастрофической дезинтеграцией.

Поздний идеал всеобщего согласия, как и его ранний вариант, могли обеспечить основу для единства лишь до тех пор, пока изменения и конфликты не достигли некоторой критической пороговой величины. Новшества, сдвиги в отношениях между сословиями привели к распаду идеала. Ранний и поздний идеалы всеобщего согласия отличались условиями своего происхождения. Ранний возник в результате своеобразного остывания вечевой бури, пронесшейся над страной, как некоторая задержка инверсии движения от соборности к авторитаризму. На его основе сформировался Земский собор, т. е. своеобразное среднее звено между народом и властью.

Поздний идеал возник в процессе обратной инверсии, в результате отступления от крайнего авторитаризма. После банкротства авторитаризма народ потерял слабый и, очевидно, недостаточно глубокий опыт земских соборов и тем самым не выявил достаточного стремления развиваться по пути медиации, во всяком случае в масштабах, необходимых для преодоления раскола. Хотя господство этого идеала и не ознаменовалось серьезными организационными новшествами, тем не менее срединная культура продолжала развиваться. Это выражалось в росте утилитаризма, в развитии высших ценностей культуры.

Существенное различие между ранним и поздним идеалами всеобщего согласия заключалось в том, что развитие первого сопровождалось определенным укреплением сословий. Это соз-

давало предпосылки для укрепления власти, развития срединной культуры, ее организационного воплощения. Во втором случае, хотя развитие сословий и продолжалось, но тем не менее выявилось, что активизация почвенных сил объективно по своей сути носит уравнительный, антисловный характер. Двойственное отношение народа к власти практически означало признание власти царя и одновременно стремление ликвидировать сословия, а следовательно, и государство. Правящая элита под воздействием новых тенденций, роста утилитаризма сделала попытку ослабить жесткую связь между принадлежностью к сословию и служением государству, т. е. пошла навстречу локалистским настроениям.

Ослабление господствующего идеала усилило опасность растаскивания ценностей большого общества по локальным мирам. Это сопровождалось ростом общей дезорганизации, усилением социокультурных противоречий, т. е. столкновением между социальными отношениями и культурой, между субкультурами, внутри социальных отношений, усилением раскола. Одним из проявлений этого процесса было *двоевластие*: власть шла от локального мира и от правящей элиты. Это дало импульс дезорганизации общества и одновременно стимул поиску выхода, новой инверсии.